РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

В ноябре 2003 года мы рассказали о проблемах организации дорогостоящего лечения. В частности, речь шла о борьбе с таким тяжелым недугом как рассеянный склероз. Неожиданно нам позвонили из московского Института биологической медицины (ИБМЕД) и предложили бесплатно помочь обратившемуся в фонд больному. Это учреждение хорошо известно своими технологиями в Европе, немного в Москве и совсем незнакомо остальной России. Методы лечения, основанные на использовании биорегуляторов и стволовых клеток, позволили добиться невероятных успехов в борьбе с самыми тяжелыми недугами. Конечно, мы приняли предложение и отправили в ИБМЕД москвичку Елену Васильеву. Первый курс позади ($30 тыс.), Елена чувствует себя значительно лучше, она вернулась к работе, следующий курс назначен на март. Радость за Елену и за успехи коммерческой медицины не заслоняет, однако, тот факт, что такая помощь из-за дороговизны недоступна большинству населения, а простой высоких технологий ведет к замедлению темпов их развития. Как выбраться из этой вилки, руководитель Российского фонда помощи ЛЕВ АМБИНДЕР допытывался у главного врача—директора ИБМЕДа, доктора медицинских наук, профессора ЮРИЯ БЛОШАНСКОГО.

Ъ Институт биологической медицины создан в Москве в 2002 году. Специализируется на лечении методами клеточной терапии болезней сосудов сердца и головного мозга, крови, болезни Паркинсона, болезни Альцгеймера, сахарного диабета и ряда онкозаболеваний. Институт тесно взаимодействует с научными учреждениями Минздрава РФ, РАМН и Национальной академии наук Украины (подробности на сайте www.ibmed.ru).

— Ваши услуги недоступны даже большинству москвичей. Реформа страховой медицины, о которой так сейчас много говорят, способна приблизить решение этой проблемы?

— Вы считаете, о реформе говорят много?! Значит, вы знаете больше меня. Тогда можно я спрошу? Действительно у нас хотят сместить реформу медицинского страхования на амбулаторно-поликлиническую помощь? Если это произойдет, то скоро государство начнет избавляться от многих больниц, приватизируя их или закрывая, так как не сможет содержать. Денег-то реформа не прибавит. Между тем у нас здравоохранение до сих пор развивалось концентрацией средств как раз в больницах. Так сложилось. Как бы не угробить вот такой реформой даже то, что имеем. На самом деле я слышу другие разговоры. Это попытки напрямую связать проблемы народонаселения со здравоохранением и так смотреть на вопросы старения народа, на уровни рождаемости и смертности. Тут подмена понятий. Боюсь, мы упремся в эту точку зрения и станем считать, будто потому мало рожаем, что врачи плохие, а возраст — это обязательно болезни, немощь. Да, у нас плюс на смертность, и это вопрос национальной безопасности. Но рождаемость зависит не от профессионализма врачей, а от того, что может семья себе позволить и чего не может. И наука уже в состоянии отодвигать старость. При сегодняшнем уровне финансирования организовать отвечающее современным требованиям здравоохранение невозможно. И раз бюджет дать больше не в состоянии, то надо менять правила финансирования, а не развивать одно направление в ущерб другому.

— Менять правила финансирования? Что вы имеете в виду?

— Ровно то, о чем вы пишете и говорите. Вот вы рассказываете, как в Российский фонд помощи стекаются несчастные больные и что за прошлый год ваши читатели собрали для них больше 35 млн рублей. И это только один фонд. Значит, небюджетные деньги на здравоохранение есть, и немалые. Но на Западе, где филантропов не меньше и счет пожертвованиям идет на миллиарды, страдальцы не бегают по редакциям, а сразу обращаются в клиники. Там есть система взаимодействия бюджета и частных денег. Она дает вполне достаточный люфт свободы хозяйственных решений. У нас это отсутствует. В любой бюджетной целевой программе сегодня сидит страх приватизации. Не дай бог, если какой-то рубль выскочит за пределы бюджета и станет собственностью не государства! Это же несанкционированная приватизация! Кое-где все же удается организовать интересные схемы финансирования медицины. Но это частности, законом не прописанные. Хотя появление таких схем — уже ответ на вопросы, только надо избавиться от чесания правого уха левой ногой. Если процесс идет по кривым тропинкам, надо спрямить их, заасфальтировать, и потери будут минимальны.

— «Коммерсантъ» задавал в Минэкономики вопрос, почему в социальной сфере еще не создана понятная система взаимодействия бюджетных и частных денег. Ответ: руки не дошли, вот уж в следующем политическом цикле...

— А вы заметили, что вас сейчас страхуют на ваши деньги и даже не спросят, надо ли это вам? И реформа ничего не меняет.

— Читатели тоже задаются такими вопросами. Сейчас работодатель отчисляет в бюджет единый соцналог за каждого работающего и понятия не имеет, как тратятся эти деньги. Будет ли обязательная медстраховка каждого человека в результате реформы сформирована на его отчисления? Станет ли ее размер зависеть от налоговых выплат? Можно ли будет ее связать со страховкой, назначенной вам вашим предприятием? Может ли страховка стать накопительной? Если она ваша, то нельзя ли при необходимости перевести ее на жену, ребенка или родителей? Пациент смог бы не только выбирать лечение, клинику, но и объединять свои страховые накопления с пожертвованиями.

— Это хорошие вопросы. Пока наша страховая медицина оказалась чистой надстройкой. Минуя страховщиков, очень тяжело напрямую отправить деньги в больницу. Но в страховой компании можно провести ваш платеж не как доход, а как возмещение. Через страховой случай ваши деньги выведут из-под налогов. Вот единственный пока плюс страховой медицины.

Когда умирает мозг

У Дани Дружина остается последняя надежда

Мозг Дани Дружина начнет умирать через месяц или через два ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

Если бы вы сейчас увидели Данюю Дружина, то решили бы, что он здоровый четырехлетний мальчик. Веселится, шалит. Но года через четыре умрет, как умерла его старшая сестра. Умрет мучительной смертью, если прямо сейчас вы ему не поможете. И денег надо очень много. Мы никогда не собирали столько денег.

Старшая Данина сестра Ксения умерла в 2002 году 12 лет от роду. Единственная ее фотография на стене в курской квартире Дружиных довольно поздняя. Там девочке лет десять, и уже очень видно, что девочка больна. Приоткрытый рот, скрюченные пальцы. Я думаю, Игорь и Елена Дружины повесили на стену эту болезненную фотографию дочери в знак того, что, когда девочка заболела, ее не стали любить меньше.

Есть еще целый альбом Ксениных фотографий. Они лежат отдельно от Даниных, как если бы через фотографии передавалась болезнь. В четыре года, в пять лет Ксения выглядит совершенно здоровым ребенком. Красивая девочка, блондинка, похожа на лисичку. Вот она на море, вот она плывет на кораблике, и почитай на каждой второй фотографии Ксения наряжена какой-нибудь принцессой, или феей, или Снегурочкой. Она очень любила играть в спектаклях. Она участвовала во всех детсадовских постановках. Мама просто дважды читала девочке роль, и девочка выучивала роль наизусть. До Дюймовочки.

Незадолго до того как в детском саду решили поставить «Дюймовочку» для какого-то праздника, Ксения пошла с папой гулять. Во дворе была куча песка, потому что там что-то строили. Все дети лазали на эту кучу песка, и Ксения тоже залезла. А потом она встала наверху и заплакала.

— Спускайся, чего ты? — папа улыбнулся.

— Я боюсь,— девочка помотала головой, золотые волосы.

— Чего ты боишься?

— Я не знаю, как спуститься.

Воспитательница в детском саду тоже заметила, что девочка какая-то рассеянная, и на всякий случай вместо роли Дюймовочки дала Ксении роль мышки. Ксения плакала, что будет играть всего лишь мышку. Роль мышки была из четырех строк. Она учила эти четыре строчки целый месяц, каждый день утром и вечером. Воспитательница говорила маме, чтобы та учила с девочкой текст получше. Ксения тысячу раз повторяла: «Бедная девочка, тебе лучше выйти замуж за крота». И тысячу раз забывала эти слова или начинала говорить с конца. И спрашивала: почему я забываю?

Когда в детском саду был утренник, Ксения так ничего и не выучила. Мама и воспитательница подсказывали ей текст шепотом: «Бедная девочка, тебе лучше выйти замуж за крота».

Больше Ксении не давали ролей ни в каких детских спектаклях. Она забывала, как называются вещи, она забывала детские стишки. Потом ее повезли в Москву показывать врачам, потому что курские врачи не знали, что случилось с девочкой. В Москве доктор сказал, что у девочки лейкодистрофия, генетическая болезнь, от которой умирает мозг, и жить ей осталось года два. Еще в Москве девочка разучилась ходить. Потом, уже дома в Курске, она разучилась говорить, брать руками предметы, есть и узнавать людей. Дольше всех она узнавала маму, папу и бабушку. Она почти разучилась дышать, и поэтому у нее всегда был приоткрыт рот. Она прожила еще пять лет вместо обещанных двух, потому что ей делали бесконечные массажи и гимнастики. Ей просто закладывали в приоткрытый рот жидкую кашу, и каша сама стекала по пищеводу в желудок. Она умерла от пневмонии у матери на руках.

О том, как девочка умерла, Игорь Дружин рассказывает мне в своем кабинете, потому что дома в присутствии матери я не мог спросить, как умерла девочка. В кабинет заходит бухгалтер с документами для очередного тендера, а начальник плачет.

Он молодой предприниматель. Он занимается поставками противопожарного оборудования и получает огромные для Курска доходы типа двух тысяч в месяц. У него собственная компания, в которой работает сто человек. У него трехкомнатная квартира и дом за городом. И если он все это продаст, получится тысяч пятьдесят. А надо двести десять.

Потому что его младший сын Даня тоже болен этой лейкодистрофией. Если бы, когда умерла Ксения, не было уже Дани, Игорь и Елена Дружины сошли бы с ума или повесились. Прежде чем зачать Даню, они обращались к генетикам, и генетики обещали, что ребенок будет здоров. Когда Даня был зачат, они опять обратились к генетикам, и те опять сказали, что плод здоров. И Даня выглядит совершенно здоровым.

Между Ксенией и Даней десять лет. За эти десять лет была разработана методика лечения лейкодистрофии и проведено несколько успешных операций. В Америке для Дани нашелся донор костного мозга, и госпиталь Альфреда Дюпона готов принять мальчика. Но это стоит двести десять тысяч долларов. И оперировать надо быстро, пока Данин мозг не стал еще умирать, потому что умершие участки не восстанавливаются. Его мозг начнет умирать через месяц или через два. Может быть, он уже начал умирать, но пока незаметно.

Мальчик подходит ко мне, садится на колени, разворачивает яблочный леденец и извлекает из леденца воображаемое яблочное семечко:

— На,— говорит,— возьми яблочное семечко на память.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Для спасения Дани Дружина надо еще $40 000

По словам заместителя директора НИИ детской гематологии Минздрава России профессора Алексея Масчана, болезнь Дани Дружина является летальной, наследственной. Это метахроматическая лейкодистрофия. Спасение есть, оно в трансплантации неродственного костного мозга, но в России она пока невозможна. Выполнить пересадку берутся врачи американского госпиталя DuPont, где мальчик прошел обследование и где уже подобран донор. Операция оценена в $210 тысяч.

Один из топ-менеджеров госпиталя профессор Тригг заявил, что «идентифицированный в США образец пуповинной крови является единственным источником стволовых клеток для ребенка, поскольку поиск совместимых доноров в других мировых регистрах не дал результата. Этот образец зарезервирован госпиталем DuPont для Дружина и не может быть использован никаким другим центром трансплантации».

По решению специальной комиссии Минздрава РФ государство берет на себя две трети стоимости операции. $30 тыс. Дружины нашли сами. Недостает еще $40 тыс. Мы впервые обращаемся к читателям с такой большой просьбой. Как всегда, дорог каждый рубль. Мы завели в Москве сберкнижку на имя отца Дани Игоря Дружина. Если же нам всем крупно повезет и найдутся желающие выслать разом все $40 тыс., фонд готов предоставить счет госпиталя DuPont.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Роман Переверзев, 14 лет, саркома руки, срочно нужен эндопротез Poldi. 161 356 руб.

Еще год назад мы и представить не могли, какое испытание ждет нашего мальчика. Побаливала рука, но травматолог пожимал плечами. А летом так разболелась, что Ромка ночи не спал. Тогда и поставили страшный диагноз: саркома Юинга плечевой кости. Это опухоль трубчатых костей. Теперь мы с ним в НИИ детской онкологии на Каширке. Ромка мужественно переносит уколы, капельницы и тяжелейшую химиотерапию. Он хочет жить. Часто просит меня улыбнуться, но делать это трудней с каждым днем. Если до февраля не оплатим эндопротез, руку ампутируют, и Рома это знает. Уже поражены плечевой и локтевой суставы. Сын ослаб, исхудал, весит всего 38 кг. Протез сконструирован, но исполнение и ввоз из Чехии возможны лишь после оплаты счета. Господи, где взять столько денег? Я вынуждена уволиться. Муж электрик в ДЭЗе с зарплатой 3000 руб. Инвалидности пока нет. Живем вчетвером (у нас еще Илья, 7 лет) в коммуналке, и продать нечего. Помогите! *Елена Стружкина, Москва*

Заведующий поликлиникой НИИ детской онкологии и гематологии РАМН Евгения Моисеенко: «Рома у нас с 1 сентября 2003 года. Полихимиотерапия уменьшила опухоль, но без срочного эндопротезирования руку не сохранить. Прооперируем вовремя — и рука будет действовать, хотя расти перестанет. А без операции метастазы появятся где угодно».

Настя Глухих, 12 лет, грудопоясничный сколиоз IV степени, необходима операция в НИИТО (Новосибирск). 191 395 руб.

С трудностями я привыкла справляться сама, но сейчас, поверьте, в тупике. Мою дочку Настю надо срочно оперировать: ее сколиоз стремительно прогрессирует, лечение не помогает. Я бухгалтер на частном предприятии, с октября получаю 8 тыс. руб., раньше было вдвое меньше. Мужа после института призвали в армию, в танковые войска. Попал в Чечню. В 1996 году погиб в бою. Настя получает по потере кормильца 1429 руб. Нам некому помогать. Горздрав и военкомат отказались оплатить операцию. Я запаниковала, но от людей, которым вы помогли, узнала о фонде. Настю всю перекосило. Туловище постоянно наклонено вправо, слева вырос горб. Из-за этого сбои во всем организме. Девочку постоянно рвет. Развивается близорукость. Нет сил смотреть, как страдает ребенок. Только в Новосибирском НИИТО дочку обещали вылечить. Она единственный близкий мне человек. Помогите нам! *Анна Глухих, Свердловская область*

Заведующий клиникой вертебрологии НИИТО (Новосибирск) Михаил Михайловский: «Этот тяжелый сколиоз остановит лишь операция. У Насти уже сместилось сердце, нарушены нервная и эндокринная системы, пережата печень. Без операции организм просто рассыплется».

Наташа Воронина, 7 лет, нейросенсорная тугоухость III–IV степени, нужен слуховой аппарат DigiFocus. 26 786 руб.

Чтобы Наташа пошла в первый класс обычной школы (а специальной у нас нет), мы взяли кредит и поехали в Москву за хорошим слуховым аппаратом. Дочку обследовали в центре «Отофон», подобрали DigiFocus, в котором она наконец-то услышала, как много в мире звуков. Дочка растет общительной и любознательной. Охотно учится, даже просит давать ей побольше заданий на дом. Любит заниматься со старшей сестрой (Ира в 6-м классе). Но из-за того, что недослышит, у нее серьезные проблемы. Увы, аппарат на второе ухо нам не купить, а без него Наташа не сможет учиться. Класс большой, учитель перемещается — и звук уходит. Я учительница труда в школе. Муж шофером в ООО «Инвид-Агро» (это бывший совхоз), работа там сезонная, и в «несезон» все в неоплачиваемом отпуске. Выручает огород, а вот денег взять негде. Если это возможно, помогите. *Марина Воронина, Волгоградская область*

Врач сурдоцентра «Отофон» (Москва) Татьяна Куку: «По интеллекту Наташе самое место в массовой школе. Но отставание в развитии уже есть. Ношение двух аппаратов позволит полноценно развивать оба полушария головного мозга».

Анна Григорьева, 20 лет, паралич ног, нужны электроколяска, компьютер, рабочий стол и кресло, 81 454 руб.

Я инвалид с рождения. Школьную программу освоила дома, окончив школу с почетной грамотой по математике. Потом курсы бухучета и рыночной экономики в техникуме МИФИ, заочно учусь на курсах английского. Если бы вы знали, как я хочу быть полезной, стать специалистом, работать! Комитет по земельным ресурсам гарантирует мне надомную работу при наличии у меня компьютера. У нас с сестрой (ей 17 лет, учится на повара) есть только мама. Из-за меня мама не работает, живем, если честно, впроголодь, на мою пенсию в 1107 руб. Мама делает мне массаж и уколы, что-то выращивает на огородике, иногда чуть подрабатывает стрижкой знакомых. И о компьютере я лишь мечтаю. Это же такой шанс найти место в жизни! А вторая мечта — хорошая инвалидная коляска. Я видела по телевизору такую классную, управляется кнопкой. Моя-то неповоротливая, мама устает ее толкать. А с электроколяской я буду самостоятельной. *С уважением, Анна Григорьева, Ставропольский край*

Ведущий специалист горсоцзащиты Елена Байкова: «Аня сама не передвигается, но руки работают и голова светлая. Ей бы надомную работу, но на компьютер у нас денег нет».

Маша и Виталик Абушаевы, 2 года, ДЦП, нужны операции в Институте мозга человека РАМН (СПб). 140 тыс. руб.

К вам обращается молодая семья. Наши двойняшки родились семимесячными. Они получили родовые травмы шейных позвонков и внутрижелудочковое кровоизлияние. Маше ДЦП диагностировали уже в полгода, а Виталику в год. Лечились в Самаре и Москве, но безрезультатно. А в ноябре прошли курс в питерском Институте мозга. Деньги собрали по предприятиям города, одолжили, у кого только можно. Поехали без веры в успех, но результат поразил. После электростимуляции мозга Виталька стал многое понимать, играть, это говорит о рывке в умственном развитии. Пополз, опираясь на ручки. Маша стоит с поддержкой и передвигается в ходунках. Произносит звуки, а ведь раньше молчала! Детям предстоит операция по переливанию спинномозговой жидкости от родителей. Врачи обещают сильный эффект. Поймите нас, мы не можем отказаться от такого шанса! Но все финансовые возможности уже исчерпаны. Живем на зарплату папы в 4000 руб. (техник на заводе «РосЛада»). Пенсии детей по 1200 руб. Один инвалид в семье — это горе. У нас двое. Помогите, пожалуйста! *Виолетта и Сергей Абушаевы, Самарская область*

Заведующая лабораторией Института мозга Александра Чибисова: «Регуляторные вещества, присущие норме, при введении в спинномозговой канал крайне эффективно восстанавливают нарушенные функции. У близнецов хорошая динамика. Мы настоятельно рекомендуем продолжать лечение».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Почем сегодня мечты директора детского дома

«В городе Великом Устюге, на родине Деда Мороза, тоже есть детский дом. Там дети сыты и одеты. Правда, у них мебель разваливается, и у Деда Мороза время на них находится в основном летом». Так начинался репортаж специального корреспондента „Ъ“ Валерия Панюшкина на декабрьской странице Российского фонда помощи, и теперь можно доложить, что в этот новогодний праздник Дед Мороз нашел время для сирот детдома №3. В роли Деда Мороза выступили наши читатели.

Впервые за последние двадцать лет в детском доме №3 города Великий Устюг новая мебель ФОТО ВАЛЕРИЯ МЕЛЬНИКОВА

Впервые за последние 20 лет в детдоме №3 появились новые диваны, кресла, кровати, платяные шкафы типа «купе» и «прихожая», а также журнальные столы «в количестве 6 штук», всего на 236 750 руб. Оплачена покупка автомобиля УАЗ-22069-04 (172 тыс. руб.). По словам директора детдома Екатерины Удачиной, новый «УАЗ» был самой заветной ее мечтой: «Старому и разбитому „уазику“ детдома была прямая дорога в утиль, но мы держались до последнего, латая его. Потому что тогда не на чем было бы возить питание». К сожалению, не удалось оборудовать еще и компьютерный класс на шесть рабочих мест (150 428 руб.). Это предложение пока не вызвало ни одного отклика.

А вот остальные новости.

Оплачено лечение: Андрею Макарову, 7 лет (ДЦП, лечение в московской и тульской клиниках, 261 452 руб., Смоленская область); Марине Завьяловой, 19 лет (остеомиелит, эндопротезирование тазобедренного сустава, 212 378 руб., Волгоградская область); 16-летним Наташе Бочкаревой и Ольге Некрасовой из Новосибирской области, а также Максиму Добрынину, 15 лет, Приморский край — операции в Новосибирском НИИТО по поводу сколиоза IV ст., 696 088 руб.; Денису Иванову, 17 лет (инвалид 1 группы, реабилитация в Центре Валентина Дикуля, 200 000 руб., Ленинградская область); Эмме Кудиновой, 4 года (задержка психоречевого развития, реабилитация, 35 016 руб., Москва);

Отправлены: 128 600 руб. на приобретение мини-трактора МТЗ-112 с комплектом навесного оборудования Владимиру Белому (66 лет, шесть приемных детей, до полной стоимости недостает 49 000 руб., Новгородская область); 123 200 руб. на два комплекта тифлоприборов инвалидам по зрению братьям Лымаревым (Павел, 12 лет, и Мстислав, 13 лет, Волгоградская область); 173 000 руб. на лечение Артемию Коровенкову, 5 лет, ДЦП (Свердловская область); 53 000 руб. на инвалидную коляску Б-500 Евгению Комогорову, 26 лет, паралич, до полной стоимости коляски недостает 40 500 руб., (Курганская область); 68 750 руб. на кардиостимулятор Sigma 200DR, Medtronic Павлу Пшеничникову, 32 года, порок сердца (Архангельская область); по одной вещевой посылке семьям Аслан (Ставропольский край), Лесниковых (Удмуртия), Богдановых (Челябинская область), Масленниковых (Ярославская область), Мироновых (Владимирская область), Тузбековых (Башкирия); 43 365 руб. матери двух детей-инвалидов Людмиле Поляковой на покупку автомобиля (Москва); 27 665 руб. на слуховой аппарат DigiFocus II SP Андрею Дубяге, 18 лет (Калмыкия).

Помогли: Виктория (от руководителя), Тамара (обе — Санкт-Петербург), Алексей (Нижний Новгород), Андрей Петрович (Новосибирск), Марина Геннадьевна, Владислав, Сергей Викторович, Марина (от руководителя), Евгений, Игорь Михайлович, два Вячеслава, две Любови, Елена Смирнова (фонд «Созидание»), Виктор Александрович, Игорь, Ксения, Денис, Владимир Иванович, Борис, две Марины, Владимир, Кирилл Олегович, Александр Семенович, Виктория, Кирилл, Олег, Илья Валерьевич и Татьяна Юрьевна, Елена Михайловна, Андрей, Геннадий, два Юрия, Оксана, Сергей, Максим, семья Липатовых, Михаил, Владимир от Елены Геннадьевны, Александр, Михаил и Нелли, Дмитрий Ильич, Елена Николаевна и Павел (все — Москва). Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года как попытка помочь авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты бедолаги и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $5,1 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших милиционеров (Самара), 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПК «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста».
Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

**Адреса фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru;
e-mail: rfp@kommersant.ru
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).**

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».